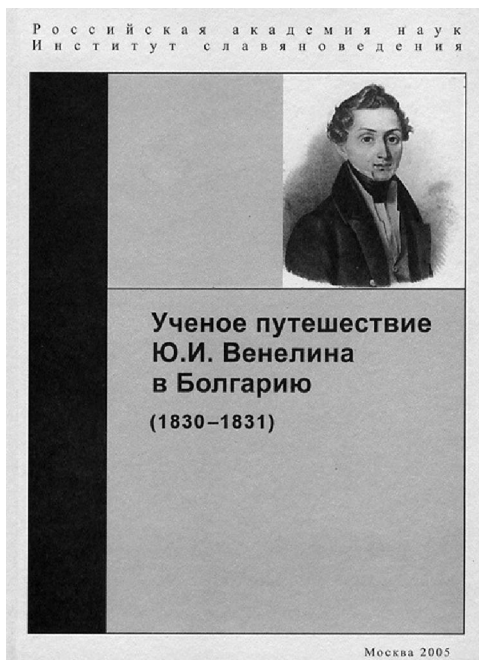

ИЗ НАСЛЕДИЯ ВЕНЕЛИНА

Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830-1831). Публикация подготовлена Г.К. Венедиктовым. М., 2005. – 153 с.

В 2002 г. научная общественность России и Украины торжественно отпраздновала 200-летие со дня рождения видного русского слависта Юрия Ивановича Венелина (1802-1839), по сути являющегося основателем отечественной болгаристики. Важно отметить, что, кроме россиян и украинцев, интерес к Венелину, уроженцу

Угорской Руси, проявляли и его земляки-русины. Казалось бы, уже несколько лет нас отделяет от кульминации торжеств. Но, вопреки грустной традиции после юбилея сразу же забывать юбиляра, до сих пор выходят все новые и новые публикации, посвященные богатому и неоднозначному наследию ученого. Одной из таких публикаций является книга «Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830-1831)», подготовленная Г.К. Венедиктовым и изданная Институтом славяноведения Российской АН.

Основу книги составили уникальные материалы из московских и Санкт-Петербургских архивов, как официальные документы, так и письма частного характера, касающиеся путешествия Венелина в болгарские земли. Напомним, что кроме Болгарии славист также посетил тогдашние Молдавию и Валахию. В книгу вошли материалы, относящиеся к подготовке и всем этапам путешествия. В общей сложности – 52 позиции, снабженные отдельными комментариями. Абсолютное боль-

шинство опубликованной корреспонденции составили личные письма Венелина, адресованные выдающемуся русскому славянофилу М.П. Погодину (1800-1875).

Обобщающий характер носит вводная статья Г.К. Венедиктова (с. 3-16). В частности, в ней приведен обзор литературы по вопросу с указанием ряда имеющихся в ней неточностей. Собственно архивные материалы разделены на пять глав: «Официальные бумаги, касающиеся подготовки путешествия Ю.В. Венелина в Болгарию» (с. 17-44), «Подготовка Ю.В. Венелина к путешествию в Петербурге» (с. 45-68), «Начало путешествия: Москва – Харьков - Одесса» (с. 69-94), «Письма с Балкан: Варна – Силистра - Бухарест» (с. 95-142) и «Письма с обратной дороги: Кишинев – Одесса – Харьков - Москва» (с. 143-151).

Интересно, что опубликованные в книге документы в очередной раз свидетельствуют о глубинной карпаторускости, почти русинскости Венелина и о восприятии его, в первую очередь, как карпаторосса современниками. Так, например, в письме президента Российской Академии А.С. Шишкова к министру народного просвещения князю К.А. Ливену относительно отправления Венелина за рубеж в одном из пунктов плана путешествия читаем следующее: «5) Исследовать нынешний болгарский язык в синтетическом и аналитическом отношении, то есть обозреть его грамматику, свойства, слог, связь и отношения его к малорусскому, **карпаторусскому** (выделено нами – М.Д.) и великорусскому наречиям» (№ 6, с. 24). Думается, данный пункт звучал бы иначе, если бы на месте Венелина был обыкновенный великоросс или российский малоросс.

Проживая в Российской империи, Венелин старался поддерживать контакты с немногочисленными земляками, проживавшими в России. Любопытной иллюстрацией к данному аспекту биографии ученого, к примеру, могут служить слова из письма Венелина к Погодину от 22 февраля 1830 г.: «В прошедшее воскресенье обедал у Балугиянского (первого ректора Санкт-Петербургского университета М.А. Балудянского (1769-1847), также уроженца Угорской Руси – М.Д.); чувствовал, что не нахожусь на своем месте, несмотря на землячество: это меня бесило: это не в характере карпатороссов» (№ 26, с. 65).

Пожалуй, именно в малых, порой незаметных нюансах, раскрывающих тайны золотого века отечественного славяноведения, и заключается важность публикации Г.К. Венедиктова. Огорчает лишь скромный тираж книги (300 экз.) и труднодоступность московских академических изданий для жителей других регионов.

Михаил ДРОНОВ